

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ VS НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО – ПОПЯТНОЕ ДВИЖЕНИЕ?

© 2019 г. К. Холодковский

*ХОЛОДКОВСКИЙ Кирилл Георгиевич, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (holgrig@mail.ru)*

Статья поступила в редакцию 06.06.2019.

В последние годы в ряде стран наблюдаются попытки восстановить полный суверенитет национально-го государства, ограниченный в процессе глобализации. Основными акторами этих попыток являются те или иные популистские политические силы. Однако маловероятно, что подобного рода силы смогут изменить характер глобализации. Оказать такое влияние более способно формирующееся глобальное гражданское общество. Но это общество не однородно, а при огромном разнообразии и противоречиях национальных интересов задача гармонизации глобализационных процессов представляется не-вероятно сложной.

Ключевые слова: глобализация, национальное государство, суверенитет, реформирование, популизм, глобальное гражданское общество, национальные интересы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14

В последние десятилетия во всех исследовани-ях современного состояния и развития обществен-ных отношений в каких бы то ни было частях мира неперенным фактором, подлежащим рассмотре-нию, закономерно становилось растущее воздей-ствие глобализации. Расширение трансграничных, макрорегиональных и международных связей, так или иначе ограничивающих национальный суве-ренитет, быстрый рост и все более свободное дви-жение людских потоков, потоков капитала, това-ров, знаний, информации, все более интенсивная интернационализация и интеграция человеческого сообщества становились главными приметами со-временного мира, явлениями, определяющими ха-рактер сложной и противоречивой действительности на рубеже двух тысячелетий [1].

Развитие глобализации, порождаемое прежде всего закономерными достижениями и потреб-ностями производительных сил, стимулирующее быстрый рост производительности труда и эффек-тивности производства, сближает народы, делает достижения культуры достоянием самых разных стран, но отнюдь не является гармоничным и без-болезненным процессом. Ему присущи серьезные противоречия, источником которых становятся, с одной стороны, объективно существующие глу-бокие различия и разная природа вовлеченных в процесс субъектов и объектов, с другой – созна-тельное использование этих различий наиболее мощными акторами процесса, каковыми являются международные монополии и олигополии, а в не-малой степени – и наиболее мощные державы.

Доминирующие в процессе акторы, как пра-вило, пренебрегают различием местных условий

и ставят во главу угла свои корыстные интересы, что придает глобализации последовательно неоли-беральный характер. Господство рыночной стихии дает важные преимущества сильнейшему или наи-более мобильному, быстрее развивающемуся участ-нику интеграционного процесса, при этом не учи-тываются различия национальных и социальных интересов. К *выигравшим* частям мира относятся как основная часть развитых стран, ставших глав-ными центрами сосредоточения самой передовой технологии, так и наиболее быстро развивающиеся государства, прежде всего Китай. Но большинство стран, особенно в Азии (кроме ее юго-восточной части), Африке, Латинской Америке, да и немало европейских стран, во многих отношениях можно от-нести к *проигравшим*. В рамках Европейского со-юза к недовольству последствиями неолибераль-ной глобализации добавляются и выступления против бюрократического характера управления интеграционными процессами. Недовольство ев-ропейцев усиливается и тем фактом, что глобали-зация, способствуя свободному трансграничному перемещению людских потоков, создает условия для размывания еврохристианской идентичности [2; 3, с. 123], для возникновения очагов исламист-ского терроризма.

В ходе глобализации определяются выигравшие и проигравшие не только среди стран, но и среди разнородных групп одного и того же общества. Об-щим явлением становится прежде всего серьезное ухудшение положения среднего класса. Это вы-зывает недовольство и даже определенное сопро-тивление той части населения, которая в процессе глобализации утрачивала свои былые жизненные

позиции. Уже в первые годы XXI в. заметное развитие получило движение антиглобалистов и вышедшее из него течение альтерглобалистов, целью которого было изменение характера глобализации, устранение ее пороков и противоречий. Но их пропагандистские усилия, привлечшие в со-противление активное меньшинство, не смогли внести изменения в ситуацию.

Однако в последнее время положение все-таки стало несколько меняться.

ПОПЫТКИ ПОПЯТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Правительства ряда стран предприняли попятное движение в духе ограничения глобализационных процессов и восстановления утраченного национального суверенитета. Раньше всего этот процесс проявился среди государств так называемой Вишеградской группы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия). Как известно, вступление бывших “социалистических” стран в Европейский союз объяснялось их стремлением поскорее покончить с навязанным прошлым и примкнуть к “цивилизованному миру”. Однако в рамках западноевропейского макрорегиона, движущегося к унификации, они сразу почувствовали себя в роли “младших братьев”, вынужденных следовать курсу, определяемому более сильными и экономически развитыми партнерами. Реакция на такую ситуацию сильнее всего проявилась в Венгрии.

В 2010 г. на выборах в Венгрии одержала победу национал-популистская партия Фидес, провозгласившая приоритет венгерских интересов перед общеевропейскими и взявшая курс на восстановление национального суверенитета. Правительство, возглавляемое лидером Фидес В. Орбаном, отказалось подписать Европейский финансовый пакт, означавший жесткую экономию и увеличение налогов, игнорировало рекомендации брюссельских властей о разрешении аборт и легализации однополых браков. Особенно активно венгерские лидеры выступили против участия вместе с другими странами ЕС в размещении иммигрантов. Было объявлено о строительстве 175-километрового барьера вдоль границы с Сербией, организован референдум о согласии с определенной администрацией ЕС квотой по приему беженцев. Большинство проголосовавших на референдуме выступило против квоты, и, хотя в нем участвовали лишь 43% имевших право голосовать, венгерское правительство использовало голосование для оправдания своей политики [4].

Отвергло обязательство по иммигрантам и национал-популистское правительство Польши. Европейская Комиссия болезненно реагировала на внутреннюю политику польского правительства

(попытки поставить под контроль Конституционный суд, ограничение свободы печати). Конфликт Польши с ЕС углубляется.

Традиционно евроскептической выступает в последние годы Чешская республика, заметной силой национал-популисты стали в Словакии. Страны Вишеградской группы вместе с некоторыми другими посткоммунистическими странами еще в 2011 г. предприняли демарш перед руководством ЕС, заявив, что разработка новых реформ без их участия может привести к повторному референдуму о членстве в ЕС [5].

В странах Восточной Европы подобный референдум при всем росте евроскептицизма вряд ли привел бы к выходу из Союза, но прецедент Брексита ясно показал, что такой риск все же нельзя сбрасывать со счета. Великобритания, вступив в ЕС, выговорила себе особое положение, несколько отличающееся от условий, на которых вступали в Союз другие его члены. Тем не менее недовольство ограничением национального суверенитета росло, что выражалось в повышении популярности правопопулистской партии ЮКИП. В неожиданном для руководства Консервативной партии исходе референдума немалую роль, помимо сопротивления навязываемым брюссельской администрацией интеграционным мерам, сыграло стремление отгородиться от захлестывающего континентальную Европу потока инокультурной иммиграции.

Но еще более красноречивым проявлением кризисных явлений в мировых интеграционных процессах стала победа на президентских выборах в США Дональда Трампа. Опираясь на явное недовольство значительной части белого среднего класса неолиберальной политикой предшественников, новый президент предпринял настоятельные попытки возвести ограждение национального суверенитета в ведущий принцип политики США. В речи на сессии ООН он отверг идеологию глобализма, заявив, что США должны прежде всего защищать свой суверенитет и свою независимость¹.

Трамп задался целью обеспечить реиндустриализацию своей страны, потерявшей в ходе глобализации значительную часть своего промышленного потенциала, переместившегося в развивающиеся страны. Для этого он принял меры по ограничению иностранной, в первую очередь китайской, конкуренции. В июне 2018 г. он объявил о введении 25-процентной пошлины на ввоз промышленных товаров, входящих в провозглашенную в КНР

¹ *Выступление Президента США Дональда Трампа на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.* Available at: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-to-the-73rd-session-of-the-united-nations-general-assembly-ru/> (accessed 21.08.2019).

программу “Сделано в Китае-2025”. Естественно, эти меры вызвали ответные действия с китайской стороны, а переговоры с целью урегулирования отношений зашли в тупик. В результате между двумя державами началось нечто вроде торговой войны.

Протекционистская политика Трампа затронула интересы отнюдь не только Китая. Была введена 25-процентная пошлина на импорт стали и 10-процентная на ввоз алюминия из всех стран, кроме Канады и Мексики. Ограничения коснулись и стран ЕС, и европейская администрация также предприняла ответные меры. В США повышены тарифы и на импорт солнечных панелей и стиральных машин, главным образом из Южной Кореи. Трамп объявил о выходе США из Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП), потребовал пересмотра условий многосторонних торговых соглашений о свободе торговли, в том числе НАФТА, усилил защиту американских торговых интересов в ВТО и в двусторонних отношениях.

Антиинтеграционная политика Трампа не ограничилась сферой экономики. Уже в июне 2017 г. он заявил о выходе из Парижского международного соглашения по предотвращению глобального потепления, что ставит под вопрос эффективность международных мер в этом направлении. Немалые усилия приложил президент в борьбе с нежелательной иммиграцией. Несмотря на сопротивление Конгресса, он затеял сооружение 1600-километровой стены на границе с Мексикой, требующее громадных расходов, в 2017 г. приостановил на 120 дней прием беженцев из стран Африки и Ближнего Востока, одобрил проект о сокращении вдвое легальной иммиграции, издал указ против городов – убежищ нелегальных иммигрантов.

Политика Трампа расколола американское общество. Однако его националистический курс продолжает пользоваться серьезной поддержкой прежде всего значительной части белого населения среднего класса.

Протекционистские тенденции, провоцирующие торговые войны, проявляются сейчас во многих странах и регионах. А национал-популистская волна захватывает новые страны. Националистическую позицию занимало австрийское правительство С. Курца, находившееся у власти в 2017–2019 гг. В Италии – стране, которая была одним из инициаторов создания Европейского союза, – на парламентских выборах 4 марта 2018 г. победителями оказались две популистские силы – крайне правая “Лига” и “Движение пяти звезд” (ДПЗ) – значительно более левое, хотя и отрицающее принадлежность как к правым, так и к левым (50% его избирателей определяют себя как левых, 16% – как правых, остальные не относят себя ни к тем, ни к другим²).

Несмотря на серьезные разногласия по вопросам внутренней политики, они смогли заключить программное соглашение и сформировать правительство, которое весьма скоро зарекомендовало себя как активный оппонент брюссельской администрации.

Главным полем столкновения стала бюджетная политика. Продвигаемые коалицией нововведения – плоская налоговая шкала (требование Лиги) и безусловный базовый доход в размере 780 евро (предложение ДПЗ) увеличивают и без того существовавший бюджетный дефицит. Европейской Комиссией впервые в истории был отклонен проект итальянского бюджета с дефицитом в размере 2.4%, и с огромным трудом достигнут компромисс (2.04%) [6].

Помимо того, популистское правительство с самого начала заняло чрезвычайно жесткую позицию в отношении иммиграции. В октябре 2018 г. был опубликован разработанный вице-премьером и министром внутренних дел М. Сальвини декрет, значительно ужесточающий законодательные условия приема беженцев и других мигрантов, увеличивающий сроки рассмотрения их прошений о видах на жительство, облегчающий лишение гражданства и депортацию. Сальвини всячески затруднял высадку в Италии беженцев, переправляющихся туда с риском для жизни через Средиземное море.

М. Сальвини, лидер Лиги, все больше выдвигается на первое место в политической жизни Италии. Он заключил некое подобие политического союза с венгерским премьером В. Орбаном для защиты национального суверенитета против претензий брюссельских властей и массовой иммиграции.

Национал-популистские партии усиливают свое влияние и в других странах ЕС. Весьма широкие слои европейского общества, не разделяя программные крайности популистов, выражают согласие со многими их позициями [7]. Выборы в Европейский парламент, состоявшиеся в мае 2019 г., зафиксировали новый рост влияния правых популистов, особенно в ведущих странах Европы (кроме Германии). В Великобритании, Франции, Италии крайне правые партии заняли первое место. Усилились правящие популистские партии в Польше и Венгрии. Ослабели позиции центристских партий, сторонников интеграции.

БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ – КАКОВО ОНО?

Естественно задаться вопросом, как это попятное движение в сторону укрепления национального суверенитета отразится на судьбах глобализации. История уже знала прецедент, когда глобализа-

² *La Repubblica*, 20.12.2018.

ционные тенденции, проявившиеся с середины XIX в., пресеклись в первой половине следующего столетия в результате резкого подъема национализма в среде великих держав в период двух мировых войн и возникновения тоталитарных режимов. Не ожидает ли человечество нечто вроде повторения этого печального опыта? Опыт прошлого заставляет опасаться, что кризисные явления суть сигналы о таком возможном повороте.

История, однако, никогда не повторяется буквально. Достигнутый в мировой экономике уровень кооперации и разделения труда вряд ли позволит разорвать возникшие производственные, технологические и стоимостные цепочки. Правда, в последнее время по серьезным, чисто экономическим причинам эти цепочки стали заметно короче, что увеличило роль макрорегиональной кооперации в мировых интеграционных процессах [8]. Однако доминирование экономических гигантов в процессе глобализации сохранялось, а следовательно, и ее общего характера это не изменило.

Ускоренный подъем экономик Китая и ряда других азиатских стран повлиял на соотношение сил между ними и державами, которые прежде монополизировали наименование “развитых стран”. Но это лишь обострило международную экономическую конкуренцию, от которой страдают многие другие страны и целые регионы.

По-видимому, если оставаться в пределах чисто экономической сферы, нельзя найти ответ на вопрос, не приведет ли рост недовольства неолиберальным характером глобализации к взрыву, обращенному против ее бенефициаров. Опыт прошлого говорит о том, что кризисные явления, — а политические события современности нельзя интерпретировать иначе, как назревающий кризис глобализации, — могут порождать идею предстоящего краха существующей модели развития. Достаточно вспомнить о базировавшемся на солидном научном фундаменте предсказании К. Маркса о неизбежной гибели капитализма.

В действительности, однако, как мы знаем, кризис капитализма породил не крах, а сложное преобразование капитализма — возникновение социального государства. Естественно предположить, что социально-политические кризисы, порожденные глобализацией, могут дать подобные результаты — не новый поворот вспять, а изменение характера вызываемых ею последствий. Движущую силу таких преобразований можно искать именно в социально-политической сфере.

Очевидно, направленность возможного реформирования глобализационных процессов — это усилия по выправлению или по меньшей мере нейтрализации хотя бы их явных пороков (поляризации выгод и ущерба от интернационализации

производства и обмена с неравным распределением мировых ресурсов и однобоким экономическим развитием едва ли не большей части мира, хищнического отношения к природе, иммиграционных проблем). Разумеется, возникает естественный вопрос, каковы те акторы, которые могли бы взять на себя эту сложнейшую и многоплановую задачу.

Движение альтерглобалистов, как уже говорилось, осталось пока сугубо миноритарным явлением и не смогло даже со всей определенностью выделиться из рядов чисто деструктивного антиглобалистского лагеря, который как таковой фактически не имеет серьезных шансов напрямую прорваться к власти, хотя и влияет, как мы видели, не только на общественное мнение, но в какой-то степени и на реальную политику. Другое дело — популистское движение, которое получило широкое распространение в целом ряде стран и завоевало реальные рычаги, позволяющие им надеяться на осуществление серьезных реформ. Популисты разных стран, не ограничивающие свои цели возвратной суверенизацией, действительно претендуют на роль силы, принципиально изменяющей ситуацию. Оправданы ли их претензии?

Для ответа на этот вопрос нужно более внимательно присмотреться к уже обрисованному опыту расширения влияния популистов, и особенно их пребывания у власти в развитых странах.

ПОТЕНЦИАЛ ПОПУЛИЗМА

Как известно, характерной особенностью популизма является заявка на выражение интересов “простого человека” и противопоставление их интересам правящей элиты. “Простые люди, — утверждает бывший итальянский сенатор, — больше не интересуются политикой, больше не верят в политику вообще. Они чувствуют себя преданными, и это типично для всей Европы, да и для Америки (феномен Трампа)... Никто не принимает всерьез разговоры о европейских ценностях, о солидарности, идентичности, культуре — это все для политиков, люди в это не верят, они так не чувствуют” [9, сс. 38-39]. Применительно к пониманию такого рода гражданина популисты дают “простые ответы” на поставленные в повестку политического дня сложные вопросы, пренебрегая обвинениями в утопическом подходе к действительности. Развертывающаяся глобализация понимается ими как угроза безопасности и процветанию “народа” [11].

Опрос, проведенный в 2016 г., показал, что 45% граждан 28 стран ЕС действительно видит угрозу в глобализации [10]. Восстановление национального суверенитета (в странах ЕС — евроскептицизм) является едва ли не центральным пунктом программы популистских партий. Недоверие к на-

ходящимся в состоянии нарастающего кризиса демократическим институтам приводит их, с одной стороны, к апологии противопоставляемой этим институтам прямой демократии, а с другой – к осуществлению практики вождизма.

В настоящее время различаются две разновидности популизма – правая и левая. В центре внимания *правых популистов* – не только проблема национального суверенитета, но и ее проекция на иммиграционную политику: защита интересов и идентичности коренного населения, воспрепятствование в этих целях массовому притоку инкультурных переселенцев. Для *левых популистов* восстановление национального суверенитета – путь к использованию государственной власти против диктата международных монополий, навязываемой ими экономии социальных расходов.

В отношении глобализации правые популисты – единомышленники радикальных антиглобалистов, левые – скорее умеренных (альтерглобалистов). Восстановление суверенитета для них – промежуточная позиция на пути к утверждению “транснационального демоса” [11]. Однако в современной реальной политике, в борьбе против традиционных партий за власть происходит сближение двух течений популизма. В Европе их объединяет евроскептицизм [12]. Сначала в Греции, а затем и в Италии в сформированные популистами правительства входили представители обоих течений.

Однако еще более важно, что произошло с ними дальше. Правительство Греции во главе с популистом А. Ципрасом должно было найти выход из кризисного положения, в котором находилась экономика страны. После тяжелых переговоров с властями ЕС было заключено соглашение, по которому в обмен на помощь в погашении тяжелейшего государственного долга (130 млрд финансирования и 100 млрд списания долга) Греция обязалась резко уменьшить государственные расходы, снизить уровень пенсий и минимальной заработной платы, существенно сократить число государственных служащих, повышать пенсионный возраст³. Фактически популистские противники неolibеральной политики должны были признать ее неизбежность в условиях, в которых находилась Греция.

Но Греция – малая страна с ограниченными экономическими ресурсами, и исход ее столкновения с властями ЕС был во многом предрешен, тем более что необходимо было срочно найти средства для погашения государственного долга. В этом отношении намного более показательным является развитие событий в Италии, одной из основа-

тельниц ЕС, экономика которой после Брекзита является третьей по своему значению среди стран Союза.

Первоначально ведущей силой в популистской правительственной коалиции Италии было “Движение пяти звезд”, которое на парламентских выборах получило почти в два раза больше голосов, чем правопопулистская Лига, и выдвигаемая им в альтерглобалистском духе формула “Мы не против Европы, мы против *этой* Европы” стала официальным внешнеполитическим принципом правительства Дж. Конте [13]. Однако во многом благодаря активной демагогической позиции лидера Лиги М. Сальвини, и прежде всего его решительной антииммигрантской политике, через год соотношение сил стало обратным. Самое “чистокровное” популистское правительство Европы не смогло выработать никаких конструктивных предложений по реформированию “этой Европы”, ограничившись с трудом вырываемыми компромиссами по тем или иным отдельным вопросам, порождаемым злобой дня. Правые популисты с их антииммигрантской политикой, пользуясь преобладающими общественными настроениями, все чаще брали верх над своими левыми союзниками с их либеральными позициями, да и в других вопросах успешно их теснили. Словесный альтерглобализм на деле уступил место неконструктивному антиглобализму, время от времени отступающему перед нажимом брюссельских властей, опирающихся на объективные запросы европейской интеграции, но слабо учитывающих сложность расклада политических сил Италии.

Столь же неконструктивная политика лобового противостояния характерна и для популистского правительства Венгрии. Отсутствие у нынешних противников европейской интеграции такого неременного свойства успешной политики, как конструктивность, особенно ярко проявилось в Великобритании, когда после провозглашения Брекзита его сторонники тщетно пытались разработать приемлемый для страны вариант выхода из ЕС.

Опыт Италии и других стран говорит не только о том, что, получив реальную власть, левые популисты из-за отсутствия все той же конструктивности (что выражается прежде всего в тенденции давать простые ответы на сложные вопросы) легко сдают позиции своим правым союзникам, но и о том, что правые популисты во всем, кроме проблемы интернационализации, начинают сближаться с традиционными правыми. Сальвиниевская Лига не только избрала себе союзником на местных выборах партию С. Берлускони “Вперед, Италия!”, но в ряде мест получила поддержку неонацистов и неонацистов [14]. В реальной политике Трампа, ограниченной хорошо развитой в США институ-

³ Греция приняла кредитное соглашение с ЕС на фоне массовых беспорядков. Available at: <https://ria.ru/20120213/564306558.html>

циональной системой сдержек и противовесов, популизм выглядит скорее как способ расширения массовой базы.

Все сказанное заставляет сделать вывод, что популистское движение вряд ли является серьезным претендентом на внесение качественных изменений в глобализационный процесс. В большинстве случаев приход популистов к власти выявляет их непрофессионализм и узость горизонта [15, с. 56], их способность предлагать лишь нереалистические рецепты либо бесполезные ныне заимствования из прошлого. В Италии при популистском правительстве поразивший страну экономический застой еще более углубился. По показателям экономического роста страна оказалась в хвосте европейских государств. Популистское правительство Италии, как и греческое, не смогло удержаться у власти.

Популистская политика показала свои слабости отнюдь не только в развитых странах. В первые полтора десятилетия популизм был характерен для левых правительств, пришедших к власти в Бразилии, Аргентине и ряде других стран Латинской Америки, и некомпетентная социально-экономическая политика привела их к провалу [16].

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РЕФОРМАМ

Исторический опыт говорит о том, что путь к реформированию модели общественного развития никогда не бывает прост и прямолинеен. Негативный опыт так же необходим в этом процессе, как и накопление опыта позитивного. Желаемое многими позитивное изменение качества глобализации (или преодоление ее негативных сторон), несомненно, чрезвычайно трудный поворот, и поиск его движущих сил невероятно сложен. Здесь необходимо снова обратиться к опыту прошлого.

В реформировании капитализма, произошедшем в XX в., помимо развития производительных сил, создавших *возможность* такой эволюции, сыграла свою роль мощная оппозиция “низов” – рабочего и социалистического движения, которую стремилась использовать в своих интересах коммунистическая держава. Эта оппозиция так или иначе показала *необходимость* серьезных реформ, во многом изменивших характер капиталистического общества.

Популистское движение при всем его сегодняшнем достаточно широком распространении и усилении не идет ни в какое сравнение с мощным рабочим движением XX в. Приходя к власти, оно не способно выполнить ту конструктивную роль, которую в свое время сыграла социал-демократия. Тем не менее оно в состоянии оказывать воздействие на традиционные партии, заставляя их в целях сохранения своего влияния на массы не

только включать популистские мотивы в программы, но и изменять в соответствующем направлении свою реальную политику. Это доказывает не только Брекзит, не только поддержка, которую скрепя сердце Республиканская партия США оказывает Трампу, но и эволюция традиционных партий во многих странах Европы. Несмотря на “санитарный кордон”, который, по выражению С. Магга [17, р. 223], создан в некоторых странах (например, во Франции и в Швеции) для получивших заметное влияние оппозиционных популистских партий, они и там во многом меняют ту внутривнутриполитическую атмосферу, которая формирует повестку дня партийной системы.

Если эта эволюция закрепится, такой поворот должен в какой-то степени сказаться на межстрановых отношениях, на содержании тех соглашений и договоренностей, которые заключаются в макрорегиональном и международном масштабах. Нарастание протекционистских тенденций, пересмотр ряда соглашений экономического характера уже стали совершившимся фактом. Но популистская тенденция сама по себе вряд ли способна облегчить давно назревшее реформирование Европейского союза в сторону демократизации и большего учета социальных интересов, совершенствования стратегии “Европы разных скоростей”. Точно так же маловероятно, что она сможет помочь тем реформистским силам Латинской Америки, которые борются за эволюцию региональных союзов американского континента от слегка замаскированного доминирования Соединенных Штатов, наподобие ОАГ, к более или менее равноправному сотрудничеству, как это было вначале в Союзе южноамериканских наций (УНАСУР). Для таких целей необходимо, по крайней мере, чтобы приток свежих сил, та активизация гражданского движения, которая произошла во многих странах как следствие неудовлетворенности традиционной партийной системой, оказали влияние не только на соотношение сил на национальной арене, но и на характер тех межстрановых отношений, которые складываются в результате глобализации.

Речь идет не только о национальных гражданских обществах. Их общий потенциал несомненно велик, но организация совместных действий их множества – не такое простое дело. Однако известно, что в настоящее время наряду с ними уже существует система организаций, которую принято считать постепенно складывающимся *глобальным гражданским обществом*. Активными участниками этого процесса стали не только США и Европа, но и многие развивающиеся страны. Правда, глобальное общество разнородно в еще большей мере, чем его страновые аналоги.

Количество и разнообразие институтов, существующих ныне в международном масштабе, чрезвычайно велико. Разумеется, когда речь идет о глобальном гражданском обществе, имеется в виду отнюдь не сеть международных политических и экономических объединений, которые были созданы по соглашению между государствами – таких, как Организация Объединенных Наций, Всемирный Банк, Всемирная торговая организация. Это по своей сути – субъекты официального мира. И если ООН может считаться не слишком удачным прообразом мирового парламента, то многие экономические организации, как ВБ и МВФ, как раз и воплощают неолиберальные тенденции современной глобализации. ВТО и другие объединения в своих программах декларируют всемерное содействие развивающимся странам, но их реальная политика свободной торговли подвергается критике за ее очевидную выигрышность для транснациональных компаний и богатейших стран. В еще большей мере это относится к международным объединениям, созданным непосредственно бизнесом (Международная торговая палата, Всемирный совет деловых кругов). Характерно, что для большинства этих объединений типичен тот же дефицит демократичности, которым страдает структура управления Европейского союза.

И уж, конечно, к гражданскому обществу трудно отнести те международные структуры, целью которых является получение прибыли – транснациональные корпорации, которые и являются главными драйверами неолиберальной глобализации. Гражданским обществом глобального масштаба можно считать только множество независимых неправительственных (НПО) и некоммерческих (НКО) – правозащитных, благотворительных, экологических, феминистских, научных, политических – международных организаций, порожденных усилиями национальных гражданских обществ. Постоянно на слуху имена наиболее известных из них – “Зеленый мир” (*Greenpeace*), “Международная амнистия” (*Amnesty International*), “Страж прав человека” (*Human Rights Watch*). Однако количество таких организаций, больших и маленьких, исчисляется уже десятками тысяч. Многие из них возникли еще в течение XIX–XX вв., но особенно бурное развитие такого рода объединения получили с конца прошлого века [18], что, конечно, имело непосредственную связь с развертыванием процессов глобализации и чему, несомненно, способствовало применение современных средств массовой коммуникации.

В последнее время, в том числе под непосредственным влиянием экономического кризиса 2008–2009 гг., активизировались и влиятельные группы представителей гражданского общества, посвятивших себя проблемам мировой экономи-

ки. Так, комиссия международных экспертов по финансовым вопросам при ООН во главе с лауреатом Нобелевской премии Дж. Стиглицем предложила создать Совет по глобальной экономической координации с равным представительством развитых и развивающихся стран [19].

Развитие глобального гражданского общества призвано компенсировать вакуум демократии и гражданского участия в интернационализирующемся мире. Оно выступает как система, формирующая и пропагандирующая новые нормы и ценности, влияние которых во многом противопоставляется складывающимся формам глобального правления [20, сс. 162–163, 172].

Сказанное не означает идеализации существующих НКО и НПО. Многие представители глобального гражданского общества отстаивают те или иные частные интересы. Однако все они – разумеется, кроме криминальных и экстремистских организаций, которые было бы противоестественно причислять к гражданскому обществу, – заинтересованы в создании условий, которые обеспечили бы действенный учет всех интересов. Сложное переплетение этих интересов помогает найти их справедливый баланс. Для достижения такого баланса акторы гражданского общества добиваются тех целей, которые один из исследователей, Р. Фальк, определяет как “глобализацию снизу”: минимизации насилия в международных отношениях, уравнивания роста экономического потенциала [21]. Для этих целей «все отчетливее формируется запрос на институты глобального управления “нового типа”, способные надлежащим образом контролировать и регулировать глобальные процессы, согласовывать принципы управления между национальными регуляторами, не ограничивая при этом их суверенитет» [22, с. 14].

Для подлинной эффективности действий десятков тысяч организаций, координирующих гражданскую активность миллионов людей во множестве стран, необходимо наличие целого ряда условий. Среди них, несомненно, не только способность заинтересованных сторон ясно сознавать и формулировать соответствующие требования, свободно использовать для их распространения современные коммуникационные технологии, но и умение эффективно противодействовать маневрам социальных сил, препятствующим удовлетворению этих запросов. И совершенно необходимо умение мобилизовать усилия государств по сдерживанию и пресечению криминальной деятельности в соответствующих сферах, последовательное проведение линии на защиту обществ разных типов от посягательств на ущемление их идентичности и самостоятельности.

Влияние ассоциаций глобального гражданского общества возрастает. Увеличивается практика

привлечения их к консультациям официальными международными органами. Однако участие этих ассоциаций в глобальном управлении все еще очень невелико [21, р. 8]. Своей деятельностью многие из них стремятся формировать новую, транснациональную идентичность, включающую новые нормы, ценности, дискурсы [23]. Не обладая реальной властью, глобальное гражданское общество настойчиво добивается такого влияния на общественное мнение, которое должно заставлять институты глобального управления вносить серьезные поправки в свою позицию и тем самым реально воздействовать на политику официального мира, уравновешивая влияние наднациональной элиты.

Институты и практики глобального гражданского общества “по сути своей и по интенции” — инструменты универсального и *надцивилизационного* контроля глобальной общественности над деятельностью игроков глобального рынка [24]. Вместе с национальными гражданскими обществами, стремящимися активно воздействовать на политику “своих” государств, акторы глобального гражданского общества составляют ту реальную силу, которая в перспективе могла бы создать возможности для изменения характера глобализации. В результате была бы создана “динамичная неправительственная система взаимосвязанных социально-экономических институтов, которая охватывала бы весь земной шар, и это имело бы комплексный эффект, который чувствовался бы во всех его уголках” [25, р. 13].

Однако сам этот желаемый демократическими силами процесс едва ли не сложнее, чем произошедшая в XX в. трансформация капитализма. Уже первоочередная задача гармонизации интересов почти двух сотен стран — даже при том кажущемся сейчас невероятным допущении, что такая цель приемлема для всех участвующих в переговорах сторон — крайне трудна. Эти интересы невообразимо разнообразны, разнородны и противоречивы.

Другая сложность — неоднородность самого глобального гражданского общества, трудно пре-

одолимые различия в понимании путей решения *конкретных* проблем. Наконец, *last but not least*, никак нельзя сбрасывать со счета сопротивление многообразных противников демократической трансформации глобальных процессов, использующих любые сложности и препятствия на пути реформ, любые разногласия в среде их акторов.

Среди сил, серьезно осложняющих задачу демократического преобразования глобализационных процессов, немалую опасность представляет и экстремизм исламистского толка, пытающийся совершенно иначе решить проблемы развивающихся стран и навязать миру тупиковый цивилизационный путь. Это требует от демократических сил мира не только единства в борьбе с исламизмом, но и стратегической и тактической гибкости, позволяющей органически сочетать закономерные для них принципы свободы и толерантности с обеспечением безопасности⁴.

Все эти немалые трудности и препятствия делают крайне проблематичным достижение реальной гармонизации, демократической трансформации глобализационных процессов. И здесь остается только вспомнить, что было время, когда казалось немыслимым преобразование капитализма, и усилия многих его критиков естественно устремлялись в сторону борьбы за его ликвидацию, как сейчас они устремляются в направлении простого восстановления суверенитета национальных государств. Нельзя исключать и того, что решению проблемы “демократической глобализации” поможет, как это было в прошлом при трансформации капитализма, и сама логика экономического развития мирового общества. Пока что ясно одно: конструктивной политикой в условиях нынешнего кризиса является не обращение к прошлому, а усилия по нахождению путей максимально возможной гармонизации неизбежных в современном мире глобализационных процессов, — гармонизации, по-видимому, ставшей единственным реальным средством предотвратить грозящую катастрофу.

⁴ Available at: <https://cont.ws/@painy1/1119389>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Salamon L.M., Sokolovski S. Wh., List R. *Global Civil Society. An Overview*. The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, 2003. 64 p.
2. Холодковский К.Г. Свобода vs безопасность? Европа и массовая иммиграция. *Полис. Политические исследования*, 2019, № 2, сс. 79-91. [Kholodkovskii K. G. Svoboda vs bezopasnost'? Evropa i massovaya immigratsiya [Freedom vs Security? Europe and Mass Immigration]. *Polis. Political Studies*, 2019, no. 2, pp. 79-91]. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.06>.
3. Цапенко И.П. Этнокультурный фактор в экономических и социальных процессах. *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. Пантин В.И., Семенов И.С., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2016, сс. 118-137. [Tsapenko I.P. Etnokulturnyi faktor v ekonomicheskikh i sotsialnykh protsessakh [Ethnocultural factor in economic and social processes]. *Prognozirovaniye sotsialno-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii* [Forecasting Social and Political Processes and Conflicts in the West and in Russia]. Pantin V.I., Semenenko I.S., eds. Moscow, IMEMO, 2016, pp. 118-137.]

4. Мелков А.В. Внутренняя политика Виктора Орбана: взгляд Запада. *Электронный научно-практический журнал “Молодежный научный вестник”*, 2017, октябрь. [Melkov A.V. Vnutrennyaya politika Viktora Orbana: vzglyad Zapada [Victor Orban’s domestic policy: a look from the West]. *Ehlektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal “Molodezhnyi nauchnyi vestnik”*, 2017, October. Available at: <http://www.mnvnauka.ru/2017/10/Melkov.pdf> (accessed 21.08.2019).
5. Борко Ю.А. ЕС после финансово-экономического кризиса. *Европейский Союз в XXI веке: время испытаний*. Под ред. Потемкиной О.Ю., Кавешникова Н.Ю., Кондратьевой Н.Б. Москва, Весь мир, 2012, сс. 59-60. [Borko U.A. ES posle finansovo-ekonomicheskogo krizisa [EU after the financial and economic crisis]. *Evropeiskii Soyuz v XXI veke: vremya ispytaniy* [European Union in XXI Century: Time of Trials]. Potemkina O. Yu., Kaveshnikov N. Yu., Kondratieva N. B., eds. Moscow, Ves’ Mir, 2012, pp. 59-60.]
6. Manovra, accordo con l’Ue. Moscovici: vittoria del dialogo. Dombrovskis: evitata procedura, ma vigileremo. *Il Sole 24 Ore*, 19.12.2018.
7. Вайнштейн Г. Популизм в современной Европе: новые тенденции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 12, сс. 24-33. [Vainshtein G. Populizm v sovremennoi Evrope: novye tendenzii [Populism in Contemporary Europe: New Trends]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no. 12, pp. 24-33.]
8. Кондратьев В. Новый этап глобализации: особенности и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 6, сс. 5-17. [Kondratiev V. Novyi etap globalizatsii: osobennosti i perspektivy [New Globalization Phase: Key Elements and Perspectives]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 6, pp. 5-17. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17
9. Педраццини Ч. Время популистов. *Вестник Европы*, 2018, т. L–L1, сс. 36-42. [Pedrazzini Ch. Vremya populistov [Populist time]. *Vestnik Evropy*, 2018, v. L–L1, pp.36-42.
10. Вайнштейн Г. Европейский популизм в конце 2010-х. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 3, сс. 29-38. [Vainshtein G. Evropeiskiy populizm v kontse 2010-kh [European Populism in the Late 2010s]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 29-38.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38
11. Kallis A. Populism, Sovereignism and the Unlikely Re-Emergence of the Territorial Nation-State. *Academia*, 2018. Available at: www.academia.edu/37173571/Populism_and_the_Unlikely_Re_Emergence_of_the_Territorial_Nation-State (accessed 21.08.2019).
12. Арбатова Н.К. Главные вызовы европейской интеграции. *Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты)*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016, сс. 5-18. [Arbatova N.K. Glavnye vyzovy evropeiskoy integratsii [The main challenges of European integration]. *Evropeiskii Soyuz na pereput’e: nereshennyye problemy i novyye vyzovy (politicheskie aspekty)* [European Union at the Crossroads: Unresolved Problems and New Challenges]. Moscow, ИМЭМО, 2016, pp. 5-18.]
13. Bonanni A. I valori dell’Europa. *La Repubblica*, 20.12.2018.
14. Marconi F., Testi E. A chi il sindaco? A noi! A Verona sboccia l’amore tra la Lega e l’estrema destra. *L’Espresso*, 31.03.2019.
15. Медушевский А. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. Кроуфорд К., Макаренко Б.И., Петров Н.В. Москва, Политическая энциклопедия, 2018, 127 с. [Medushevskii A. Populism na Zapade i v Rossii: skhodstva i razlichiya v sravnitelnoi perspective [Populism in the West and in Russia: Similarities and Differences in a Comparative Perspective]. *Populizm kak obshchii vyzov* [Populism as a common challenge]. Krouford K., Makarenko B.I., Petrov N.V., eds. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2018, 127 p.]
16. Яковлев П. Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии? *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 3, сс. 94-103. [Yakovlev P. Latinskaya Amerika: vozmozhen li ryvok v razvitiy? [Latin America: is a Spurt in Development Possible?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 94-103.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-94-103
17. Mudde C. Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change. *Party Politics*, 2014, vol. 20, no. 2, pp. 217-226.
18. Anheier H., Glasius M., Kaldor M. Introducing Global Civil Society. Anheier H. K., Glasius M. and Kaldor M., eds. *Global Civil Society 2001*. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 3-22. Available at: www.ise.ac.uk/internationalDevelopment/research/CSHS/civilSociety/yearBook/chapterPdfs/2001/chapter01.pdf (accessed 21.08.2019).
19. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. Москва, Международные отношения, 2012. 328 с. [Stiglitz report. On the reform of the international monetary system: the lessons of the global crisis. Report of the UN Financial Expert Panel. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012. 328 p. (In Russ.)]
20. Степаненко В. Глобальное гражданское общество: концептуализации и посткоммунистические вариации. *Социология, теория, методы, маркетинг*, 2005, № 2, сс. 156-175. [Stepanenko V. Globalnoye grazhdanskoye obshchestvo: contseptualizatsii i postkommunisticheskiye variatsii [Global Civil Society: Conceptualizations and Post-Communist Variations]. *Sotsiologiya, teoriya, metody, marketing*, 2005, no. 2, pp. 156-175.]
21. Falk R. *Predatory Globalization: a Critique*. Cambridge. Polity Press, 1999, 171 p.
22. Мазурова Е.К. Глобальное регулирование экономики: современный потенциал и возможности трансформации. *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*, 2015, № 6, сс. 3-16. [Mazurova E. K. Globalnoye regulirovaniye ekonomiki: sovremennyyi potentsial i vozmozhnosti transformatsii [Global Economic Regulation: Current Potential and Transformation Opportunities]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 6. Ekonomiks* [The Moscow University Economics Bulletin], 2015, no. 6, pp. 3-16.]

23. Гаман-Голутвина О. В. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации. *Полис. Политические исследования*, 2000, № 6, сс. 169-171. [Gaman-Golutvina O. V. Transformatsiya roli elit i etiki gossluzhby v usloviyakh globalizatsii [Transformation of the role of elites and civil service ethics in the context of globalization]. *Polis. Political Studies*, 2000, no. 6, pp. 169-171.]
24. Лапкин В. В. Конфликтность стратегий развития в современном мире: природа, причины, последствия. *Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и в России*. Пантин В. И., Семенов И. С., отв. ред. Москва, ИМЭМО РАН, 2016, сс. 17-27. [Lapkin V. V. Konfliktnost' strategii razvitiya v sovremennom mire: priroda, prichiny, posledstviya [Conflict of development strategies in the modern world: nature, causes, consequences]. *Prognozirovaniye sotsialno-politicheskikh protsessov i konfliktov v stranakh Zapada i v Rossii* [Forecasting Social and Political Processes and Conflicts in the West and in Russia]. Pantin V. I., Semenenko I. S., eds. Moscow, IMEMO, 2016, pp. 17-27.]
25. Keane J. *Global Civil Society?* Cambridge University Press, 2003. 214 p.

GLOBALIZATION VS NATION STATE: THE RETROGRADATION?

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 5-14)

Received 06.06.2019.

Kirill G. KHOLODKOVSKII (holgrig@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

In early 21st century, in various parts of Europe and America there have been attempts of backsliding from free movement of people and capitals inherent to globalization era, and restoration of full sovereignty of a nation state. Presenting features of this trend are different: nationalist forces' coming to power in Eastern Europe, Brexit, election of D. Trump as U.S. President, the populists' victory in parliamentary elections in Italy. The Populism of diverse colors becomes a driving force of such attempts. The tendency mentioned above is based on a widespread dissatisfaction with the neo-liberal character of globalization coming from domination of international monopolies and oligopolies in this process, which neglect the variety of local conditions and prioritize their own vested interests. The supremacy of the market element gives important advantages to the strongest, the most mobile and faster developing participant of the process, not taking whichever national and social interests in consideration. At the same time, free cross-border displacement of human flows creates conditions for erosion of the European Christian identity, facilitates the appearance of hotbeds of the Islamic terrorism. Within the boundaries of the European Union, a protest against the bureaucratic character of integration processes regulation merges into the discontent with consequences of neo-liberal globalization. The abovementioned crisis trends make us address the experience of the past. The political crises of the contemporary history, which caused wars and revolutions, were often construed as harbingers of an inevitable collapse of the existing development model (suffice it to recall the forecasts of Karl Marx and his followers). However, not the death of capitalism was a result of historical evolution, but its reformation and the emergence of social welfare state. The crisis affiliated to globalization may have similar effect. There are quite a number of proposals aimed at the EU reforming. Efforts to improve or counteract at least the most vivid flaws of globalization processes are not excluded. This brings up the question about a subject or subjects of such attempts. The populist movement claims an actor's role. Yet there are doubts that it is able to play this role. At the same time, the civil society now takes on greater and greater importance in the sequence of events. Quite possibly, not only a national civil society could seriously contribute to reforming of globalization processes, but a gradually shaping global civil society using modern communication media as well. The experience tells us also that, first of all, consideration for and harmonization of national interests should become a direction of reforming, which means not only a complicated system of agreements between nation states and their associations, but gradual and far-reaching improvement of global governance institutions. However, the global civil society is hardly homogenous, and given the vast variety, heterogeneity and contradictions of national interests, the task of harmonization appears to be extremely difficult.

Keywords: globalization, nation state, sovereignty, reformation, populism, global civil society, national interests.

About author:

Kirill G. KHOLODKOVSKII, Doctor of History, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14